

Пшеничное зерно

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

ДЖЕЙМС НГУГИ

Кения

АУТРО, едва рассвело, Гиконьо принял за рукоятку для панги. Он выбирал подходящий кусок дерева, а на сердце было легко и ясно. Работа всегда прогоняла мрачные думы. Стоило ему дотронуться до доски — и его охватывал жар созидания. Ну а от этого заказа зависит, быть может, вся его жизнь. Взяв в крепкие руки недавно купленный рубанок, он стал обстругивать шероховатый брусок. Он мерно водил рубанком по доске и думал о Мумби, о ее легкой походке, жестах, прикосновении ее рук. Завитки стружек падали на пол. Ему чудился ее голос, дыхание, и незримое присутствие любимой утверждало его силы.

Он делает для ее панги рукоятку из дерева пдо. Нужно выточить две половинки совершенно одинаковой формы. Потом просверлить отверстия — осторожно, чтобы не получилось трещин. Из-под сверла на верстак сыпались опилки. Вот и готово! Гиконьо взял моток проволоки и принялся нарезать заклепки. Сложил половинки рукоятки вместе, молотком расплющил торчащие концы заклепок. Молоток так и мелькал в воздухе. Работа спорилась, в душе воцарился мир и уверенность в себе.

Он решил отнести пангу сам в воскресное утро. Но когда пришло воскресенье, ядовитые стрелы сомнений пронзили недавнюю умиротворенность. Он вдруг обнаружил изъяны в работе: ручка недостаточно гладкая, укреплена плохо. Старался, старался, а вышла самая обычная рукоятка. Такую любой сделает. Сразу натрет руку. Эх, ну и пусть. Что ему за дело до того, понравится ли его работа Мумби! Не угодит — не его вина. Сделал как мог, не нравится — пусть сама попробует или Каранджу попросит. А лучше всего, чтобы ее не оказалось дома, когда он принесет заказ.

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» № 3—6 за 1969 год.

Но, ступив на узкую тропу, бегущую сквозь кустарник к усадьбе Мбугуа, он струхнул: а вдруг она и в самом деле ушла! Работа его потеряет всякий смысл, если он не услышит ей оценку из уст Мумби.

Мумби сидела на скамье у порога материнской хижины. Гиконьо приблизился к ней с напускной беспечностью.

— Твоя матушка дома? — небрежно спросил он, сам не замечая, что нетерпеливо переминается с ноги на ногу — так хотелось показать Мумби пангу.

— А зачем тебе мама понадобилась? Или ты забыл, что она замужем? — В глазах девушки прыгали озорные искорки. Гиконьо пропустил насмешку мимо ушей и постарался принять еще более озабоченный и независимый вид.

— Садись, — предложила Мумби и встала, уступая ему место. И вдруг заметила пангу. Подбежав, она выхватила нож у него из рук и застыла, залюбовавшись работой. Потом пританцовывая юркнула в хижину:

— Мама! Мама! Скорее! Посмотри!

Теплая, сладкая волна затопила сердце Гиконьо. От радости даже слезы выступили на глазах. Не зря, значит, старался. Да за одну ее улыбку, за один взгляд он готов всему Табаи мастерить стулья, столы, полки, чинить прохудившиеся крыши, вставлять рамы! Бесплатно! Пусть он так и не разбогатеет, пусть умрет бедняком, лишь бы у него была Мумби...

Он стоял в сладостном забытии, упиваясь волшебными грезами. Из хижины вышла Мумби — принесла стул — и снова предложила ему присесть.

— Я тороплюсь, — нерешительно отнекивался он.

— Уж не на свадьбу ли спешишь?

— Да нет, я твоей дождусь... — улыбнулся он, но, вспомнив о Карандже, помрачнел и молча опустился на стул.

— Не бойся, мы не кусаемся, — сказала Мумби, притворно нахмурившись. И опять он очутился на верку блаженства.

Мумби принялась плести косички (ах, погладить бы эти волосы!), согнув руки в локтях, бойко перебирала курчавые прядки, глядясь в маленькое зеркальце, которое держала на коленях. Изредка она кидала на Гиконьо быстрый взгляд и улыбалась, и Гиконьо пьянел от счастья.

Но тут, совсем некстати, явились Кихика с Каранджей. Гиконьо зло напустился. Теперь Мумби будет не до него. Но делать нечего — пришлось вступить в общую беседу, которая, как обычно, очень скоро перешла на политику.

* * *

Что такое политика, Кихика узнал еще мальчишкой. Сидя у ног Варуи, он жадно внимал рассказам про то, как у черного человека отняли землю, как потом разразилась война, та самая, вторая мировая, и африканцев стали брать в армию сражаться против Гитлера на стороне англичан. Эта война была для них чужой, не за себя гибли африканцы...

Варуи достаточно было и одного слушателя. Он охотно пускался в воспоминания. Рассказывал о Вайяки и других героях, которых еще в прошлом

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

веке убили белые, потому что они хотели прогнать захватчиков с родной земли. Вспоминал Гарри Туку и расстрел демонстрации в 1923 году. Говорил о миссионерских школах, которые подтачивали древние устои племени. Еще задолго до того, как он впервые увидел белого, сердце Кихики ожесточилось против «этих людей». Возвращавшиеся с войны солдаты рассказывали о Бирме, Египте и Палестине, об Индии, о Махатме Ганди, под чьим руководством индийцы боролись против британского владычества. Кихика жадно ловил каждое слово. Его воображение работало вовсю. Еще юношей мечтал он о том, как поведет народ кикую к свободе и счастью.

Кихику определили в Махигскую миссионерскую школу, что неподалеку от Табаи. Мальчику открылось великое таинство печатного слова. Непременной частью обучения были уроки закона божьего. Они проходили по воскресеньям в церкви и вел их сам директор школы — Муну. Там Кихика услышал притчу о Моисее и сынах израилевых. Как только Кихика выучился читать, он раздобыл библию и чуть ли не на зубок затвердил историю пророка. Он с жаром пересказывал ее Мумби, друзьям, взрослым.

Однако вскоре двери школы закрылись для него. Однажды на уроке Муну заговорил о женском обрезании и сказал, что это языческий обычай:

— Христианам делать это строго-настрого запрещается.

— Простите, сэр!

— В чем дело, Кихика?

Мальчик поднялся, дрожа от волнения. Перебить учителя уже само по себе было дерзостью, на которую не отважился бы ни один озорник. Но сильно развитое чувство справедливости говорило в нем громче, чем страх, и Кихика выпалил:

— Это неправда, сэр!

— Что?!

Наступила такая тишина, что даже самому Муну стало не по себе. Многие ребята тихо закрыли лицо руками, опасаясь, что учительский гнев обрушится и на них.

— Это выдумали белые, в библии такого запрета нет.

— Садись, Кихика.

Кихика сел, до боли вцепился в скамью. Он уже раскаивался в своем порыве. Директор тем временем взял в руки библию и, предложив отыскать 18-й стих первого послания св. Павла к коринфянам, с торжествующим видом начал было читать, но вдруг сообразил, что допустил ошибку: в послании не только нет осуждения обряда, но вообще о женщинах не упоминается. Муну захлопнул библию, но было уже поздно: Кихика понял, что одержал верх. Однокурсники исподтишка бросали на него восхищенные взгляды, тайне радуясь посрамлению учителя. Муну принял путано толковать процитированное место, а потом внезапно объявил, что урок окончен. Кихика пожинал лавры. Мальчишки горячо обсуждали происшествие, гадая, как поступит директор.

В понедельник все шло как обычно. Но утром во вторник Муну собрал всех школьников и учителей в церкви. Дрожащим от возмущения голосом он заговорил об угрозе святотатства и надругательства над священным писанием:

— Кто дал нам право оспаривать слово божие?

Его густой бас грозно гудел под высокими сводами. Он сообщил, что обсуждал воскресное происшествие с членами приходского совета и решено дать маленькому богохульнику последнюю воз-

можность спасти свою грешную душу. Ради его же блага и в назидание другим ученик будет подвергнут публичной порке. Он получит десять розог. Затем мальчишка должен будет попросить прощения, а также при всех отречься от своих слов. В церкви наступила мертвая тишина. Муну подошел одного из учителей и велел взять с алтаря лежавшие на виду у всех розги.

— Встань, Кихика!

Впервые Муну назвал его по имени. До сих пор он избегал этого, говоря о «некоем ученике». Однокурсники, еще недавно гордившиеся Кихикой, теперь взирали на него с осуждением, словно желая отмежеваться от преступника.

— Подойди сюда!

Ноги Кихики будто к земле приросли. В одно мгновение весь мир перевернулся. Он еще не сдвинулся с места, а другие ученики уже торопливо расступились, освобождая ему проход.

— Тебе говорят, подойди сюда!

Он чуть шелохнулся, воздел глаза к потолку, перевел их на учителя, разом охватил взглядом алтарь и розги. И неожиданно для всех вскочил на скамью, перепрыгнул на другую... Никто еще не успел опомниться, как он уже махнул в окно и очутился на воле. Он бежал до самого дома не переводя дыхания, а добежав, повалился на пол, заплакал и забился в судорогах.

— Лучше я буду помогать тебе в поле, — сказал он отцу, когда тот предложил подыскать другую школу.

Воспоминание о Махиге, о Муну еще долго жгло его огнем и болью. Кихика по-прежнему много читал, сам выучился писать на английском и суахили. Когда кончилась война, он ушел на заработки в Найроби, стал посещать митинги, узнал о существовании партии. Жизнь его приобрела смысл...

* * *

— Вы спрашиваете, что делать, — горячо наседал на друзей Кихика. — Я отвечу: действовать! Слишком долго мы языком молчали.

— А что нам остается? — возразил Каранджа, поглядывая то на Кихику, то на Мумби. — У них пушки и бомбы. Даже Гитлер с ними не совладал. Есть лишь одна страна, которую англичане боятся, — Россия.

— Главное — единство! — вдохновенно продолжал Кихика. — Вспомните про Индию. Англичане владычествовали над ней сотни лет. Грабили, пили кровь народа. И плевать им было на трескотню бунтарей-одинок. И вот появляется Ганди. Прежде всего он изучил повадки белых. Потом пошел к людям, «Мы требуем свободы!» — в один голос сказал весь народ. Сначала англичане только посмеивались, но потом стухнули: дело оборачивалось серьезно. Тираны заточили Ганди в тюрьму. Но тюремные окопы не сломили его. Англичане тысячами расстреливали людей, тысячами бросали за решетку... Но мужчины, женщины и дети ложились на рельсы... Кровь, как река в половодье, затопила всю Индию. А голос крови народной, взывающей к свободе, ничем не заглушишь! Так до каких же пор будут лить слезы вдовы и сироты на нашей земле?

Высокие слова, срывающийся от волнения голос Кихики заворовали молодежь. В воображении Мумби вставали героические картины прошлого. Романтика великоученического самопожертвования всегда увлекала и волновала ее. Но упоминание о бросавшихся под поезд людях заставило девушку содрогнуться. Ее представлению о само-

отречении и подвижничестве больше отвечали страдания Христа в Гефсиманском саду.

— Представить трудно! Мама, папа, братья бросаются под поезд!..— невольно вскрикнула она.

— Все женщины трусихи,— улыбнулся Каранджа. — Да ты первый бы струсил,— сердито огрызнулась Мумби. Каранджа только насунилса, ничего не ответил.

— «Несите крест мой»,— сказал Христос народу,— продолжал Кихика, немного поостыв.— «Если кто хочет идти за мною, отрешись от себя, и возьми крест свой, и следуй за мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потерит душу свою ради меня, сохранит ее...» Знаете, почему Ганди добился успеха? Он научил народ служить матери-родине. А для нас всех Кения — наша мать!

Гиконьо с трудом поспевал за ходом мыслей Кихики, но его голос и блеск в глазах тронули плотника до глубины души.

— Да я бы от одного вида крови обмерла! — не успокаивалась Мумби.

— Мы должны воспитывать в себе твердость и мужество! — повернулся к ней Кихика.

— Но как же объединить народ? — спросил Гиконьо. Ему теперь тоже хотелось принять участие в разговоре. Но тут из хижини показалась Ванджику:

— Чай готов!

Уходить от солнышка в сумрак хижини никому не захотелось. Расселись с чашками на траве. Подошли еще две подруги Мумби.

— Совсем англичане: чаепитие на свежем воздухе! — съязвила Вамбуку.

— А что, непохожи? Только вот кожа черная... — А что, Каранджа, изображая английский выговор. Все засмеялись.

— Здорово у тебя получается, — снисходительно похвалила Нжери. Они с Вамбуку не очень-то благоволили к парню и часто поддразнивали Мумби ухаживаниями Каранджи.

Пришедшим девушкам тоже налили чаю. Кихика при виде Вамбуку расцвел. Он всегда выбирал ее в пару на танцах, их часто видели вдвоем. Вот и сейчас Нжери сразу заметила, как он заулыбался, подсел к Вамбуку, стал рассказывать ей что-то смешное. Каранджа глаз не спускал с Мумби. Гиконьо исподтишка следил за тем, улыбается ли она Карандже так, как улыбалась ему. О Нжери все забыли, однако она была не из тех, кто скучают, и решила развлекать себя сама, наблюдая за соперничеством между Каранджей и Гиконьо. Гиконьо попробовал было заговорить с нею — она только отмахнулась... Дополняя последнюю косичку, Мумби отправилась переодеваться. Нжери от нечего делать не спеша поднялась на склон холма за изгородью и вдруг стрелой помчалась вниз:

— Поезд! Поезд! Эй, к поезду опоздали!

Теперь уже все услышали нарастающий шум. Вамбуку, вскочив с места, ухватила Кихику за руку и потащила за собой. Кихика, невысокий, хрупкий против нее, еле поспевал за нею.

— Мумби, Мумби! Поезд! — позвала Нжери, хватая со скамьи косынку, которую едва не позабыла, и бросилась вдогонку за остальными. Каранджа и Гиконьо колебались — каждый надеялся, что соперник уйдет первым. Вид у них был комичный.

— Бежим! — Мумби юркнула мимо и сразу опередила их на несколько метров. Гиконьо ринулся за ней. Каранджа замыкал цепочку. Стук колес кисумского поезда подстегивал их: скорее, скорее, скорее!

Каранджа и ростом выше Гиконьо, и ноги у него длиннее. Вскоре он обогнал плотника. Гиконьо собрал последние силы. Между тем Каранджа обошел и Мумби и мчался дальше, заранее торжествуя победу над соперником. У Гиконьо томительно заныло сердце при мысли о грозящем ему унижении, и, сделав рывок, он опередил Мумби. Он тяжело дышал, и ему было ясно, что теперь Каранджу, который уже скрылся в лесу, не догнать нипочем.

Внезапно Мумби остановилась и оклинула Гиконьо. Он замедлил бег, поджидая, пока она поравняется с ним.

— Я устала.

— Нельзя останавливаться. Иначе к поезду опоздаем.

— Ну и что, умрешь ты, что ли, если на него сегодня не помотришь?

Гиконьо недоумевал: почему она так злится?

Они пошли по тропинке рядом. Гиконьо все еще досадовал, что так позорно отстал. Но стоило им войти в лес, как все сожаления исчезли. Только тут он понял, что остался с Мумби наедине — а ведь она-то и была главным призом в этой гонке. У него отнялся язык. Он молил бога, чтобы девушка не услышала, как стучит его сердце. Мумби прислонилась к стволу дерева, и Гиконьо снова увидел смешинки в ее глазах. В густой тени леса было прохладно, в высокой траве горели цветы, гибкие ветви деревьев свисали до самой земли.

— Чувствуется, повозился ты с рукояткой для нашей панги — такая гладкая, легкая. Мама была очень довольна!

— Пустяки...

— Совсем не пустяки!

— Работа не трудная, одно удовольствие!

— Значит, уже не пустяки! — рассмеялась она, и на ее щеках появились ямочки. Ее переливистый смех отозвался в нем сладкой дрожью. — Завидую я тебе. Хорошая это штука — быть плотником, делать нужные и красивые вещи.

— Зато ты умеешь вязать.

— Тоже, сравнил! Я как-то видела тебя за работой, и мне казалось... казалось, что ты говоришь на особом языке со своими инструментами.

— Давай побродим по лесу, — предложил Гиконьо. Голос едва не подвел его. Дыхание прерывалось. Тропинка привела их на лужайку. Зеленая трава кигомбе доходила до пояса. Гиконьо остановился и, подчиняясь неведомой силе, влекущей их друг к другу, повернулся к Мумби, взял ее за руки:

— Мумби, Мумби!..

Он прильнул к ее груди. Лес притих, слушая, как стучат их сердца. Трепетная дрожь охватила Мумби, и кровь Гиконьо закипела радостью и страхом. Медленно опустились они на землю, и высокая трава сомкнулась над ними. Мумби прерывисто дышала, молча и покорно подчиняясь его рукам. Ничего не сознавая, словно следуя таинственному велению леса, Гиконьо сорвал с нее одежду, и ее тело засверкало в солнечных бликах. В глазах ее были нежность и необузданность, кротость и вызов. Гиконьо тронул ее волосы, провел рукой по груди. Она не сопротивлялась, отдаваясь его ласкам. Легкий стон сорвался с ее полуткрытых губ. Она прижалась к Гиконьо, их дыхание слилось воедино. Земля закружилась и замерла под ними.

(Окончание следует)

Перевел с английского
Виктор Рамзес